

**КРОВЬ
НА РОЗОВОМ
ШЁЛКЕ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Шевелёва

Кровь на розовом шёлке

«Автор»

2026

Шевелёва Т. Н.

Кровь на розовом шёлке / Т. Н. Шевелёва — «Автор», 2026

Есению Бессмертную всю жизнь учили улыбаться в тот момент, когда за неё решают. Дочь главы городской администрации, владелица кафе и безупречная фигура светской хроники, она кажется слишком хрупкой для города, где власть пахнет металлом, дорогим табаком и чужим страхом. Но похищение разрушает эту иллюзию: оказавшись напротив Захара Лазарева, холодного стратега преступного синдиката, Есения не просит о спасении. Она предлагает сделку. Захар привык видеть слабости раньше, чем их замечают владельцы. В Есении он обнаруживает не жертву, а противника, способного направить его ярость против собственной системы. Между ними возникает опасное притяжение, однако за каждым жестом скрывается вопрос: где заканчивается защита и начинается присвоение? Пока влиятельные семьи, деловые конкуренты и хозяева теневого города собираются вокруг них, Есения и Захар должны научиться тому, чего прежде не умел ни один из них, — просить вместо того, чтобы приказывать, и доверять вместо того, чтобы манипулировать.

© Шевелёва Т. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Анатомия шторма	5
Глава 1. Похищение и новый союз.	6
Глава 2. Ночные огни и скрытые камеры.	14
Глава 3. Светский ад.	21
Г	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Татьяна Шевелёва

Кровь на розовом шёлке

Пролог. Анатомия шторма

ПРОЛОГ

В ту ночь Есения Бессмертная впервые увидела, как её отец испугался телефонного звонка.

На благотворительном вечере в мэрии струнный квартет играл Вивальди; за дверью кабинета звенели бокалы. Телефон завибрировал на письменном столе. Анатолий Викторович взглянул на экран и замолчал посреди фразы о реконструкции старых доков. Есения, сидевшая напротив в розовом шёлковом костюме, заметила, как побелели его пальцы. Он отклонил вызов.

Она коснулась серебряного браслета на запястье — привычный жест, позволявший занять руки, когда хотелось задать вопрос, на который отец всё равно не ответит. Последние полгода она собирала по крупицам сведения о портовых контрактах, надеясь понять, кто вытягивает деньги из города. Но стоило увидеть отцовский страх, как привычная уверенность дала трещину: похоже, она подобралась к ответу слишком близко. Шторм, который она так тщательно просчитывала последние полгода, наконец-то ударил....

Глава 1. Похищение и новый союз.

Захар Лазарев ждал в старом административном корпусе завода, слушая, как тяжёлый осенний дождь дробит по оцинкованной крыше. Узкое окно под самым потолком выходило во внутренний двор; сквозь грязное стекло почти ничего нельзя было разглядеть.

Комнату подготовили наспех, но со свойственной Борису педантичностью: тяжёлый дубовый стол, два глубоких кресла, вывезенных из закрывшегося офиса, и одинокая лампа под грязно-зелёным пластиковым абажуром. В углу тускло поблёскивал стеклянный глазок камеры. Кабель Захар перерезал лично ещё сорок минут назад. Он не любил лишних глаз, особенно когда дело касалось Анатолия Викторовича Бессмертного, мэра города.

Похищение его дочери не входило в план. Есению должны были задержать на выезде из города всего на пару часов — задать вопросы о подставных кофейнях, через счета которых, по данным аналитиков, выводили деньги из портовых контрактов. Сегодня Захар рассчитывал получить от неё хотя бы имя бухгалтера, прежде чем идти к Виктору Леонидовичу Назарову, главе синдиката, с докладом.

Но люди Назарова сработали грубо: зажали её машину на узком перегоне у эстакады, разбили стекло, натянули мешок ей на голову и привезли сюда. Захар уже отправил исполнителей «охранять» пустующий склад на северной окраине. Борис знал, что после таких назначений редко возвращаются с целыми коленями. Чужую тупость, однако, приходилось расхлёбывать Захару. Если мэр узнает, где держат его дочь, под ударом окажутся и переговоры о терминалах, и люди синдиката на заводе.

Железная дверь отворилась без скрипа — Борис лично смазал петли. Он вошёл первым, проверил комнату взглядом и едва заметно качнул головой: чисто.

За его спиной показалась фигура в светлом шерстяном пальто. Пальто было слишком тонким для промозглой октябрьской ночи, подол успел напиться грязной водой с разбитого асфальта. Захар ожидал увидеть размазанную тушу, прерывистое дыхание или покорность человека, который понял, что статус больше ничего не значит. Но Есения Бессмертная вошла в бетонную комнату так, словно переступила порог зала заседаний, где все присутствующие бесконечно перед ней провинились.

Она остановилась под конусом зеленоватого света. Ни одного суетливого жеста. Её взгляд скользнул по стенам, задержался на перерезанном проводе камеры, оценил засов на двери и лишь потом остановился на Захаре. Точно так же он сам в двенадцать лет смотрел на вожака приютской банды, прежде чем перехватить у того нож: без злости, только прикидывая расстояние до противника. Есения искала выходы и считала людей. Во всяком случае, так показалось Захару.

— Значит, это вы, — произнесла она. Голос прозвучал ровно, без единой дрожащей ноты. Никаких приветствий, никаких глупых вопросов в духе «что вам нужно».

Захар перевернул лежавший на столе телефон экраном вниз.

— Разочарованы?

— Пока не решила. — Есения сделала шаг вперёд. — Люди моего отца сплетничали, что теневой мозг синдиката выглядит... монументальнее.

Захар позволил тишине повиснуть между ними. Молчание ломало даже прожжённых финансистов синдиката: они начинали говорить, лишь бы его прекратить. Но Есения аккуратно положила стянутые пластиковым хомутом руки на край стола. Жест был почти хозяйским, и это раздражало.

Захар кивнул на свободное кресло.

— Сядьте.

— Я предпочту постоять. Здесь пахнет сыростью.

— Это не любезность, Бессмертная. Это приказ.

— Тогда научитесь отдавать приказы так, чтобы они не выглядели как попытка оправдаться.

У двери Борис переступил с ноги на ногу. Захар присмотрелся к девушке внимательнее. Жилка у неё на шее билась часто; большой палец левой руки вдавливался в ладонь, удерживая кисть от дрожи. Она боялась. Боялась до тошноты, до ледяных судорог в желудке. Но этот страх не парализовал её сознание. Он действовал как чистый адреналин, заставляя её мозг работать на пределе возможностей. Она не была бесстрашной; она была дисциплинированной.

— Вашему отцу уже передали условия, — сказал Захар, откидываясь на спинку кресла. — Как только он подпишет отказ от притязаний на портовые терминалы в пользу Назарова, вы вернётесь домой.

Требование исходило от Назарова. Захар сомневался, что мэр подпишет бумаги, но пока не собирался посвящать её в разногласия внутри синдиката.

— А если откажется?

— Тогда выясним, во сколько Анатолий Викторович оценивает свою единственную дочь. В её глазах промелькнуло что-то острое, но Есения лишь качнула головой.

— Вы выбрали худшую валюту, господин Лазарев. Отец любит не меня. Он любит то, как я выгляжу рядом с ним на фотографиях. Если вы вернёте меня с синяками — он обвинит меня в том, что я испортила его репутацию. Если вы убьёте меня — он устроит общегородской траур, произнесёт великолепную речь перед телекамерами и превратит мою смерть в политический капитал, на котором выиграет следующие выборы. Вы похитили не его слабость. Вы забрали деталь его парадного интерьера.

Она подошла ближе. До Захара донёлся слабый запах духов, мокрой шерсти и дождя.

— Снимите стяжку, — сказала Есения, поднимая руки. Белый пластик вьелся в кожу. — И отправьте людей к северному въезду. Минут через восемь там появятся три машины без номеров. Те, кто в них сидит, приехали не торговаться.

Захар не шевельнулся.

— Откуда вы знаете?

— Наш маршрут слили ещё до того, как меня перехватили у эстакады. Тот, кто продал вашим людям сведения, предупредил и тех, кто едет сюда. Им нужны и вы, и я.

Захар поднялся; его тень легла на её лицо.

— Имя.

— Сначала руки. Ваши люди у ворот сейчас важнее моего рассказа.

— Для человека, связанного по рукам, вы удивительно любите ставить условия.

— У меня есть основания.

Есения подняла запястья к лампе. Серебряный браслет едва заметно завибрировал.

Борис потянулся к кобуре, но Захар остановил его жестом.

— Мы проверяли её украшения, — сказал Борис. — Ни взрывчатки, ни передатчика не нашли.

— Передатчик встроен в застёжку, — ответила Есения. — Он реагирует на мой пульс. Если частота держится выше ста сорока ударов пять минут, браслет отправляет моё местоположение людям, которым я доверяю. Сейчас идёт четвертая минута.

— И они придут спасать вас? — спросил Захар.

— Если сообщение уйдёт. Решайте, хотите ли вы встретить их здесь одновременно с теми, кто едет с севера.

Захар смотрел на неё, чувствуя, как внутри всё сильнее затягивается узелопасного, почти смертельного восхищения. Эта девчонка просчитала штурм. Она знала, что её предадут, знала, что её похитят, и превратила собственное тело в живой детонатор. — Вы привезли меня сюда не для того, чтобы убивать, — её голос стал тише, интимнее, переходя на опасную глубину подтекста. — Синяки вам ненужны, скандал разрушит ваши легальные схемы, а мёртвая дочь Бессмертного не подпишет ни одной бумаги. Значит, это не плен. Пока что это просто переговоры с отвратительным интерьером. Разрежьте хомут, Лазарев. И я назову имя того, кто сидит в вашем совете синдиката и прямо сейчас ждёт, пока нас обоих закатают в бетон.

Он смотрел на браслет. Девушка могла блефовать насчёт защиты, но предупреждение о машинах было слишком конкретным. А главное — она предложила проверить его до того, как получила свободу.

Захар вытащил из кармана брюк узкий армейский нож. Сталь сухо щелкнула в тишине комнаты. Он сделал шаг в её личное пространство, нарушая все инструкции по безопасности, которые сам же и писал для своих людей. Остриё клинка скользнуло под белый пластик, коснувшись нежной кожи на её запястье.

Они стояли так близко, что он видел, как расширились её зрачки, впитывая его отражение. Одно движение — и хомут с негромким треском лопнул, упав на грязный пол.

Есения не отступила ни на сантиметр. Она медленно опустила руки, растирая покрасневшую кожу, но её взгляд по-прежнему оставался прикован к его лицу.

— Борис, — сказал Захар. — Предупреди наружный пост. Две машины пусть прикроют северный въезд. Без радиоэфира: передай лично.

— А она?

— Останется со мной.

Борис задержался у двери.

— Если это ловушка?

— Тогда скажешь, что предупреждал.

Когда дверь закрылась, Захар снова посмотрел на браслет. Есения прижимала палец к застёжке.

— Отменяете тревогу?

— Пытаюсь. Пульс уже падает.

— А если сообщение всё-таки уйдёт?

— Тогда вашим людям придётся объяснить моим, почему я здесь.

— Теперь имя, — сказал Захар.

Она растёрла затёкшие пальцы.

— Человек из вашего совета получил отцовские чертежи завода. Я видела платёж в документах по логистическому терминалу. Но одного платежа мало, чтобы доказать, кто именно продал наш маршрут.

— Вы обещали имя.

— Я обещала назвать его, когда ваши люди будут в безопасности. Пока они ещё у ворот.

Захар усмехнулся без веселья. Она выиграла время — не больше. Он уже открыл рот, чтобы потребовать ответа, когда снаружи хлопнул одиночный выстрел. За ним второй. Затем двор разорвала очередь.

По мутному оконному стеклу скользнул луч фары. Взревел двигатель. Раздался удар — будто машина врезалась в металлические ворота.

— Восемь минут, — сказал Захар. — Вы ошиблись меньше чем на минуту.

— Я считала от момента, когда меня привезли, — ответила Есения. — Оценка была приблизительной.

— Кто за рулём?

Она замешкалась.

— Люди Чистякова.

Захар пристально посмотрел на неё.

— Так вот какое имя вы берегли.

— Я не знаю, продал ли он маршрут лично. Но два месяца назад его фирма оплатила обследование северной части завода. Я нашла счёт в отцовских бумагах.

— Чистяков состоит в совете Назарова. Зачем ему устраивать бойню на территории синдиката?

— Может быть, чтобы к утру совету не у кого было это спросить.

Взрыв сотряс корпус. Окно покрылось трещинами; погас верхний свет. Тусклая настольная лампа, подключённая Борисом к резервному аккумулятору, ещё горела. Захар схватил Есению за плечо и потянул вниз, когда стекло осыпалось на стол.

— Отпустите, — прошипела она.

— Когда перестанут стрелять.

Он опрокинул стол и присел за массивной столешницей. Есения устроилась рядом у стены. Прядь волос прилипла к её губам; она нетерпеливо сдула её.

— Второй выход есть? — спросила она.

— Из комнаты — нет.

— А из корпуса?

— Вы, похоже, знаете о нём больше меня.

Ручка двери повернулась. Захар поднял пистолет.

— Свои! — раздался голос Бориса. — Захар, это я.

Борис проскользнул внутрь и захлопнул дверь. На щеке чернела копоть, разорванный рукав открывал наспех перебинтованное предплечье.

— Три машины, как она сказала. Две остановили у въезда. Третья, бронированная, провалилась к пятому цеху. Там человек десять. Они знали расположение постов.

— Потери?

— Глеб ранен, я оставил его с двумя нашими в каптёрке. Марат на вышке не отвечает. Остальные держат двор.

— Связь?

— Глушат мобильные и радио. Проводная линия тоже молчит: кабель у конторы перебит.

Захар посмотрел на браслет.

— Сигнал ушёл?

Есения подняла руку к свету.

— Индикатор не горит. Здесь браслет не может связаться с моими людьми.

— Значит, подкрепления не будет, — мрачно сказал Борис.

— Пока мы в зоне подавления — нет. Если выберемся за ограду, я смогу передать координаты и попросить помощи.

— Если к тому времени останется кому помогать, — отрезал Борис.

Захар направился к дальней стене, где под пылью висела пожелтевшая схема заводских коммуникаций. Сорвал её с гвоздя и разложил на полу, прижав углы обломками стекла.

— Мы здесь, в административном корпусе. Во двор не выйти: от пятого цеха простреливается весь проход.

— Коллектор, — сказала Есения и опустилась рядом на колени. Её шёлковые брюки тут же покрылись цементной пылью. — Под этим корпусом есть старая система отвода воды.

Борис нахмурился.

— А ты откуда про неё знаешь? Здесь давно всё закрыто.

Она указала на выцветшую синюю линию на схеме.

— Два года назад отец заказал геодезическое обследование участка под логистический терминал. В отчёте сказано: основной коллектор затоплен, но рядом проходит сухой кабельный туннель. Его выход — за восточной стеной, у железнодорожной ветки.

— План мог устареть, — сказал Борис.

— Мог. Но по двору мы точно не пройдем.

— Вы, конечно, "случайно" читали отчёт? — спросил Захар.

— Я ничего не читаю случайно, господин Лазарев. Особенно то, что касается земли и больших денег.

В коридоре послышались шаги. Не торопливые — размеренные, тяжёлые. Борис бесшумно встал у косяка и поднял пистолет. Захар погас настольную лампу. В комнату теперь проникал лишь красный свет аварийного указателя над дверью.

Шаги остановились. Кто-то дернул ручку, проверяя замок, и отступил. Послышался звон выбитого стекла: в узком окне под потолком появилась тёмная рука.

На пол упал небольшой цилиндр.

— Граната! — крикнул Борис.

Захар повалил Есению за опрокинутый стол и накрыл ей уши ладонями.

Хлопок ударил по комнате. Даже с закрытыми глазами мужчина увидел белую вспышку; звон в ушах заглушил всё остальное. Дверь распахнулась — её толкнули снаружи.

Первый человек в чёрном шлеме вошёл в проём. Борис, прижавшийся к стене и потому избежавший прямой вспышки, выстрелил дважды. Нападавший упал поперёк порога.

Второй успел сделать шаг внутрь. Захар, моргая от белых пятен перед глазами, выстрелил ему в плечо. Тот врезался в косяк, выронил оружие и осел на пол.

Третий отступил в коридор.

— Он позовёт остальных! — крикнула Есения.

— Назад! — рявкнул Борис.

Но она уже подняла пистолет-пулемёт, выпавший из рук раненого, и прижала приклад к плечу. Захар увидел, как она шагнула к дверному проёму, и не успел её остановить. Короткая очередь ударила по ушам. Из коридора донёсся вскрик, затем тяжёлый удар о бетон.

Есения замерла. Ствол чуть подрагивал в такт её дыханию. Захар не мог разглядеть человека в коридоре; Есения тоже не двигалась с места, не решаясь проверить результат выстрела.

Захар подошёл сбоку, не заступая перед оружием. Пальцы Есении побелели на пластиковой рукоятки.

— Вы раньше стреляли в людей? — тихо спросил он.

— Только в мишени, — ответила она ровным, чужим голосом.

— Это не одно и то же.

— Я уже заметила.

Он осторожно коснулся её рук и отвёл ствол к полу. Есения разжала пальцы, позволив забрать оружие, и судорожно вдохнула.

— Коллектор, — сказал Борис, сменив магазин. — Остальные скоро хватятся этой тройки. Сейчас или никогда.

Они вышли в коридор. Дым стелился под потолком, красные аварийные лампы мигали через одну. Есения шла между Захаром и Борисом и держала руку на серебряном браслете. За стенами корпуса лил дождь; где-то под ногами, за бетонным перекрытием, ждал туннель, о котором она знала из чужих бумаг. Теперь им предстояло выяснить, существует ли выход не только на чертеже.

Туннель оказался ниже, чем Захар предполагал. Приходилось идти, пригнув голову, и всё равно плечо то и дело задевало влажную кирпичную кладку. Впереди Борис светил телефоном под ноги, за ним шла Есения, Захар замыкал цепочку.

Есения держалась ладонью за стену. Сначала Захар решил, что так ей проще идти в темноте, но потом заметил, как дрожат её пальцы.

— Мы точно туда идём? — спросила она.

Захар вытащил карту. Под тусклым светом фонаря они ещё раз сверили маршрут.

— Да, — ответил Борис и провёл пальцем по линии коммуникаций.

Над головой сухо треснуло. Сначала посыпалась известковая пыль, потом с глухим ударом обвалилась часть боковой кладки. Борис пригнулся. Захар схватил Есению за руку и дёрнул к себе. Куски кирпича рухнули там, где она стояла секунду назад.

На миг стало тихо.

Потом Есения с силой оттолкнула его.

— Не хватайте меня так!

— Там стена обвалилась.

— Я видела.

Она сказала это слишком быстро. Дышала часто, смотрела не на него, а на грудку кирпичей. Когда Захар отпустил её руку, Есения прижала обе ладони ко рту и отвернулась.

Борис посветил на проход. Обвал задел стену, но туннель не перекрыл.

— Пройти можем. Только без остановок.

— Отлично. Тогда вперёд, — сказала Есения.

Она шагнула и едва не споткнулась. Захар протянул руку, но на этот раз не коснулся её. Есения сама ухватила за его рукав.

— Не комментируйте, — предупредила она.

— Не собирался.

Связь появилась у поворота. На экране телефона Бориса загорелась одна полоска. Он остановился так резко, что Есения налетела ему на спину.

— Что?

— Сеть.

Борис уже набирал номер, но Захар остановил его жестом и достал свой телефон. Дозволившись, он заговорил негромко, отмеряя каждое слово:

— Мы покинули здание, идём по старому ходу. Внутри остались раненные. Забирайте всех, кто жив, независимо от того, на чьей он стороне. Пересчитайте людей и сразу сообщите мне.

Он выслушал ответ и помрачнел.

— Нет. Переговорная и коридоры — только после эвакуации. Там не должно остаться никого. Остальное потом.

Борис поймал его взгляд. Захар понял: тот догадался, о чём шла речь. Пожар уничтожит место встречи, следы их присутствия и, возможно, единственную нитку к человеку, который всё устроил.

Курьер должен был привезти Захару информацию. Вместо него в переговорной оказалась Бессмертная — дочь мэра, которую, судя по всему, ждали раньше них. Кто-то знал о встрече. Кто-то знал, что она будет там. И этого человека Захар пока не мог отличить от тех, кому доверял.

Борис отошёл на несколько шагов и набрал другой номер. Захар слышал, как он назвал дежурному адрес и попросил вызвать скорую. Есения молчала. Потом вдруг спросила:

— Тот человек... в переговорной. В которого я стреляла. Он жив?

Захар повернулся к ней.

— Я не знаю.

- Вы видели, как он упал.
- Да.
- Значит, я попала.
- Возможно.
- Не надо говорить со мной так, будто я ребёнок.
- Я говорю то, что знаю.

Есения прислонилась затылком к стене. Пыль оставила белую полосу на её тёмных волосах.

— Я всё время вижу это. Он повернулся и побежал, а я нажала на спуск. Даже не помню, как подняла руку.

Она вытерла щеку тыльной стороной ладони и, заметив слёзы, рассердилась ещё сильнее.

Теперь, когда не нужно было бежать под выстрелами, страх проступал во всём: в напряжённом подбородке, в сбившемся дыхании, в том, как она вздрагивала от каждого звука за стеной. Но она продолжала идти и требовала правды, даже если та могла оказаться невыносимой. Захар поймал себя на том, что смотрит на её лицо дольше, чем нужно. Он испытывал к ней уважение — неожиданное, почти досадное. И интерес, который сейчас был совсем некстати. В сложившейся ситуации она не была балластом.

Борис закончил разговор и пошёл первым.

- Ещё немного. Выход за технической дверью.
- «Ещё немного» — это сколько? — спросила Есения.
- Не больше пяти минут.

Они двинулись дальше. Под ногами захлюпала вода. Есения шла медленнее, и Захар подстроился под её шаг.

- Когда мы выйдем, мне придётся позвонить отцу, — сказала она.
- Придётся?
- Он и сам обо всём узнает. Лучше пусть услышит от меня.
- Мэр сможет обеспечить вам охрану.
- Он захочет решить, с кем мне разговаривать, что помнить и какую версию рассказывать.

Захар посмотрел на неё.

- Может, вы ошибаетесь.
- Это мой отец. Я знаю, как он решает проблемы.

У неё ещё хватало сил язвить, хотя она устала настолько, что цеплялась за его рукав всякий раз, когда пол становился неровным. Захар подумал, что, возможно, она говорила резко именно потому, что иначе расплакалась бы и уже не смогла остановиться.

- Ваш отец знает, кого вырастил? — спросил он.

Есения подняла глаза.

- Это сейчас комплимент?
- Это вопрос.
- Думаю, он считает, что знает.

Она отпустила его рукав и выпрямилась.

— Иногда я сама ему в этом помогаю. Так проще, чем каждый раз объяснять, почему я не стану такой, какой он меня видит.

Впереди Борис остановился перед низкой металлической дверью. Ржавчина покрывала её почти целиком. В щели у порога росла трава.

- Добрались, — сказал он.
- Она вообще открывается? — спросила Есения.

Борис навалился плечом. Дверь не сдвинулась. Захар встал рядом; металл загудел, осыпая их рыжей пылью.

— Назад, — предупредил он Есению.

Она отошла на шаг. Мужчины толкнули ещё раз. Петли взвизгнули, дверь подалась и с тяжёлым скрежетом распахнулась наружу.

Ночной воздух показался холодным и невероятно чистым.

Они вышли на пустырь. Кусты цеплялись за одежду, в высокой траве белели пакеты и битое стекло. Чуть дальше тянулись рельсы; за ними темнел ряд складов. Есения оглянулась на узкий проём, из которого они только что выбрались, и села прямо на траву.

— Я сейчас встану, — сказала она прежде, чем кто-либо успел спросить. — Просто дайте мне минуту.

Борис достал телефон. Связь здесь была лучше.

— Макаров, мы у старых рельсов, за складами, — сказал он. — Видите пустырь с разбитым ограждением? Подъезжайте с той стороны. Нас трое. И сообщите, что с ранеными.

Он отошёл, слушая ответ. Захар остался рядом с Есенией. Она сидела, обхватив колени, и смотрела на небо. В нескольких кварталах отсюда, в здании, куда их заманили, ещё оставались люди. Борис занимался ими. Захар заставил себя не тянуться к телефону каждые десять секунд.

— Вы можете не стоять надо мной, — сказала Есения.

— Могу.

— Но будете?

— Пока нас не заберут.

Она кивнула и вдруг тихо спросила:

— Если тот человек умер, мне об этом скажут?

Захар замешкался. После всего, что случилось за эту ночь, она заслуживала честного ответа.

— Я прослежу, чтобы вам сказали правду.

Есения не ответила. Только протянула руку. Захар помог ей подняться, и на этот раз она не оттолкнула его....

Глава 2. Ночные огни и скрытые камеры.

Запах свежемолотой арабики и дорогой корицы обычно возвращал Есению чувство контроля. Но не сегодня.

Она стояла за стойкой своей кофейни «Ориджин», глядя сквозь панорамное стекло на залитую дневным солнцем центральную галерею торгового центра. Прошло два дня. Всего сорок восемь часов с того момента, как её шёлковый костюм превратился в грязные тряпки, а пальцы судорожно сжимали горячий металл пистолета в задымленном коридоре старого завода.

Сзади раздался резкий, сухой треск — бариста включил профессиональную кофемолку.

Есения мгновенно вздрогнула. Сердце с размаху ударило в ребра. Перед глазами на долю секунды вспыхнул тусклый красный свет аварийного указателя, а в ушах заложил от грохота автоматической очереди. Ствол оружия в её руках мелко подрагивал, цементная пыль летела в лицо...

— Есения Анатольевна? С вами всё в порядке? — негромкий, встревоженный голос управляющего вернул её в реальность.

Есения медленно отняла руку от левого запястья, где подсознательно растирала кожу от багровых следов пластикового хомута. Секунду назад её лицо сводила ледяная судорога воспоминаний, но Есения умела переключаться быстрее, чем перегорает предохранитель. Она обернулась к управляющему, и на её лице появилась та самая тёплая, искренняя улыбка, которая мгновенно располагала к себе людей и сглаживала любые острые углы. Её природная харизма включилась как защитный экран, безупречно скрывая следы пережитого кошмара.

— Всё прекрасно, Костя, — её голос прозвучал мягко, уверенно и удивительно легко. Она чуть наклонила голову, транслируя абсолютное спокойствие. — Просто задумалась над меню к осеннему сезону.

Управляющий заметно расслабился, послушно попадая под обаяние её ровного, доброжелательного тона. Есения тем временем обвела зал быстрым, цепким взглядом, который за долю секунды зафиксировал и плотность посадки за столиками, и скорость работы бариста. От её внимания никогда не ускользали детали.

— Подготовь мне к вечеру финансовый отчёт за последнюю неделю, — спокойно продолжила она, возвращаясь к управлению процессом. — И проверь утреннюю поставку ягод для десертов, мне не понравился процент списания в прошлый раз. Разберитесь с этим.

— Конечно, Есения Анатольевна. Всё сделаю, — Костя коротко кивнул, окончательно успокоенный её привычной деловой собранностью.

Есения улыбнулась ему на прощание и направилась к выходу. Стоило переступить порог кофейни и остаться наедине с собой, как маска весёлой лёгкости спала, уступая место глубокому, тяжёлому выдоху. Ей нужно было уехать. Ей нужно было остаться одной.

Выйдя из кофейни, Есения пошла по стеклянным коридорам молла, но вместо того чтобы спуститься на лифте в подземный паркинг торгового центра, она свернула к крутящимся дверям центрального выхода. Мысль о подземных этажах ТЦ вызвала у неё отчетливый приступ удушья. Стоило представить бесконечные ряды бетонных опор, низкий потолок и глухое эхо чужих шагов, как в памяти всплывал сырой кабельный туннель, хруст обвалившейся кладки и тяжелое дыхание Захара Лазарева прямо над её ухом, когда он рванул её на себя, спасая от летящих кирпичей.

Свой белый Мерседес она предусмотрительно оставила на открытой наземной стоянке в двух кварталах отсюда.

Захар... Он занимал слишком много места в её мыслях, и это раздражало. Она злилась на себя за то, что её живой, ироничный ум, привыкший во всём искать логику, пасовал перед

воспоминаниями об этом человеке. Она внутренне, вопреки здравому смыслу, ждала от него звонка. Не потому, что он ей нравился. Нет. Он был опасным преступником, теневым стратегом синдиката, который держал её в плену. Но он дал ей обещание-сказать правду о том человеке, в которого она стреляла. Настоящую правду, которую её собственный отец, мэр города, сейчас усердно топил в потоке заказных новостей о «коротком замыкании и локальном возгорании на заброшенном складе». Анатолий Викторович делал вид, что ничего не произошло, и их семья ни к чему не причастна.

Девушка подошла к своей машине. Купе выглядело идеально. Люди Захара загладили свою вину с чисто немецкой педантичностью: забрали её поврежденный автомобиль с эстакады сразу после штурма, заменили разбитое боковое стекло, отполировали кузов и вернули на место через Корнеева.

Есения села за руль, захлопнут дверь и бросила сумку на соседнее сиденье. В салоне пахло дорогой кожей и её собственными духами, но едва уловимый, призрачный запах мокрой шерсти и дождевой воды, казалось, все еще въелся в обшивку.

Она завела двигатель. Привычный ровный рокот успоивал. Есения потянулась, чтобы настроить зеркало заднего вида, и её натренированный взгляд, мгновенно цепляющий любые аномалии в пространстве, зафиксировал крошечный сдвиг. На стыке пластиковой панели у лобового стекла, в узком зазоре, едва заметно поблескивал крошечный темный элемент, которого в её безупречном салоне раньше точно не было.

Пальцы Есении похолодели.

Она заглушила мотор. Сердце снова ускорило ход, но теперь это был не шок, а чистая, концентрированная ярость, смешанная с горьким азартом.

Она подалась вперед, аккуратно подцепила ногтем край пластиковой накладки и потянула её на себя. Панель с тихим щелчком отошла. В небольшом углублении, подключенный к бортовой сети автомобиля, сидел компактный блок. На нем тускло мерцал зеленый светодиод. Миниатюрная камера

Они установили это, пока машина была у них. Есения тяжело дышала, глядя на мерцающий огонек. Кто? Люди Захара, пока меняли стекло? Или ищейки её собственного отца-мэра, решившего затянуть поводок ещё туже? А может, люди которые успели влезть в её жизнь, пока она приходила в себя? Она не знала наверняка, чей именно взгляд упирается сейчас в её лицо через этот крошечный объектив. Но её первый негласный договор о честности, заключенный с Захаром под землей в сыром туннеле, в эту секунду всё равно превратился в пепел. Для теневого города она оставалась всего лишь объект наблюдения. Деталью чужого интерьера, которую кто-то решил присвоить себе.

Есения горько, коротко усмехнулась. На её губах на миг заиграла опасная, упрямая улыбка. Злиться она не станет, поиграем..

Она резко протянула руку, пальцами вырвала провода из разъема блока и сжала пластиковую коробку в кулаке так сильно, что грани въелись в ладонь. Ей надоело играть роль послушной куклы, за которой подглядывают из темноты.

Она больше не будет послушно ждать ответов. Она заставит того, кто ведёт эту игру, прийти к ней лично.

Экран монитора моргнул и залил серую комнату наблюдения ровным, мертвенно-белым шумом.

Захар Лазарев стоял посреди оперативного штаба, заваленного распечатками портовых логистических схем и отчётами юридического отдела. Последние сорок восемь часов синдикат лихорадило. После штурма старого завода нужно было экстренно наводить порядок: распределять раненых по частным клиникам, зачищать «хвосты» перед официальными ведомствами и

перенаправлять грузы, чтобы избежать встречных проверок. Рабочие вопросы сыпались один за другим, требуя жестких, сиюминутных решений.

Борис, только что закончивший тяжелый разговор с безопасниками порта, устало потер переносицу и перелистнул страницу в папке.

— По потерям: двое наших в тяжелом, но стабильном, врачи под контролем. С заброшенного склада вывезли всё, что могло указать на оборот синдиката. Но мэр, Анатолий Бессмертный, уже подключил свои ресурсы — его люди зачищают городские архивы, пытаются выставить всё как банальный пожар на заброшке. Улик они пока не нашли, но схемы поставок Чистякова теперь под угрозой. Нам нужно менять маршруты, пока...

— Сигнал пропал, — громко перебил его компьютерщик, сидевший за главным пультом управления в окружении мерцающих мониторов слежки.

Борис осекся на полуслове и быстро повернулся к программисту, нахмурившись.

— Что значит пропал? Карта сбоят?

— Нет, связь полностью оборвалась, — парень быстро застучал по клавишам, выводя логи на центральный экран. — GPS-маяк и трансляция на белом купе Бессмертной ушли в офлайн. Потери пакетов нет, это не зона без покрытия. Блок просто обесточили. Физически.

Захар, до этого момента молча слушавший отчет Бориса, медленно поднял голову. Рабочие схемы и финансовые потери порта мгновенно отошли на второй план. Взгляд его темных глаз сфокусировался на погасшем зеленом маркере цифровой карты.

— Трансляция? — голос Захара прозвучал обманчиво тихо. Он сделал шаг к пульту. — Борис, я давал четкое распоряжение. Только трекер. Ты сам понимаешь как нужно вести себя, чтоб меньше наследить.

Борис на секунду отвел взгляд, а затем прямо посмотрел на стратега:

— Техники перестраховались, Захар. Поставили комбинированный блок последней модели. Трекер, аудиомодуль и миниатюрная широкоугольная камера в зазоре панели. Решили, что полный контур лишним не будет. Запись велась на локальный сервер последние пару часов, с момента, как она завела двигатель.

Захар почувствовал, как внутри закипает глухая, тяжелая ярость. Но вместо того, чтобы сорваться на крик, он лишь сильнее сжал челюсти.

— Выведи мне последнюю запись, — приказал он компьютерщику.

Программист поспешно кликнул мышью. На мониторе развернулось видео из салона белого купе. Есения Бессмертная сидела за рулем, её профиль был идеально виден в мягком дневном свете. Захар смотрел на экран, и в груди у него что-то болезненно повернулось.

Он увидел, как она настраивает зеркало. Как её натренированный, цепкий взгляд мгновенно фиксирует едва заметную аномалию под лобовым стеклом. Как бледнеют её пальцы. На видео не было звука, но Захар почти физически ощутил ту концентрированную ярость и возмущение, а также дерзость, которые отразились на её лице. Она подалась вперед, подцепила панель и в упор посмотрела прямо в скрытый объектив.

Этот взгляд, полный упрямого вызова и презрения, ударил по Захару сильнее, чем граната на заводе. Есения не выглядела испуганной жертвой. Она выглядела равным игроком, чье доверие только что грубо и цинично растоптали. В следующую секунду её рука резко рванула провода, и экран залило белым шумом.

В комнате наблюдения повисла мертвая тишина. Слышно было только ровный гул вентиляторов охлаждения.

Захар продолжал смотреть на пустой монитор. Внутри него происходил тяжелый, тектонический перелом. Вся его жизнь была построена на тотальном контроле, на просчете чужих шагов и манипуляциях. Но сейчас, глядя на серые помехи, он впервые ясно осознал: он переступил черту. Защита, которую пытались навязать его люди, превратилась в банальное, гряз-

ное нарушение чужих границ. Он подменил безопасность присвоением. И Есения Анатольевна только что швырнула эту ошибку ему прямо в лицо.

— Захар? — осторожно позвал Борис. — Что делаем? Направить людей проверить квадрат?

Захар медленно перевел взгляд на Бориса. На его лице больше не было гнева — только холодная, пугающая решимость человека, который принял вызов.

— Нет, — отрезал Захар. — Оставьте её в покое. Запись удалить, резервные копии уничтожить. Она вырвала камеру не для того, чтобы спрятаться. Это встречный ход. Сегодня вечером у мэра званный ужин....

Он сделал глубокий вдох, застегивая пуговицу пиджака, и жестко добавил:

— А сейчас мне нужно ехать к боссу. Он ждет личный доклад по заводу. И этот бардак с Бессмертной придется закрывать изящно.

Подготовка к встрече с Назаровым не терпела спешки, хотя в их отношениях давно не было места формальному страху. Виктор Леонидович не прощал небрежности ни в деталях, ни в мыслях. Захар выбрал строгий графитовый костюм и проверил файлы в зашифрованном планшете. Произошедший штурм завода нанес удар по репутации всей структуры, и Захар шел к старшему лидеру не оправдываться — он шел предлагать решения, которые защитят их общие интересы.

Представительский седан Захара мягко затормозил у кованых ворот загородной резиденции Назарова. Это место, скрытое вековыми соснами, больше напоминало неприступную крепость. Охрана на периметре сработала бесшумно: быстрый сканирующий взгляд, сверка номеров, и тяжелые створки разошлись, впуская машину внутрь.

Назаров встретил Захара в своем просторном кабинете, где пахло старой кожей, дорогим табаком и оружейным маслом. Виктор Леонидович, мужчина за шестьдесят с пронзительным, холодным взглядом и аккуратно подстриженной седой бородой, сидел за массивным дубовым столом. На нем не было пиджака — только безупречная белая рубашка с закатанными до локтей рукавами, обнажающими старые тюремные татуировки.

Когда Захар вошел, патриарх поднял голову, и в его жестких глазах на долю секунды промелькнуло то особое выражение, которое он никогда не позволял себе при посторонних. Назаров не видел в мальчишке угрозы своему положению: парень никогда не пытался «свергнуть короля» или перехватить власть в синдикате. Захар Лазарев не любил запах пороха. Ему ближе был сухой шелест серверов, охлаждающих базу данных «Северного терминала». Пока Чистяков-старший по старинке тряс местных коммерсантов, Захар за два года перевел всю контрабанду люксового импорта на цифровые рельсы. Его аналитики отслеживали контейнеры в порту через закрытые GPS-шлюзы, а серые миллиарды растворялись в строительных подрядах городского совета так изящно, что ни одна проверка КРУ не могла нащупать дно. Они были созависимы. Для Назарова Захар был его главным проектом, протее и личной гордостью, человеком, который перенял у него хватку, но сделал её более изящной и технологичной.

Назаров молча указал Захару на глубокое кожаное кресло напротив и сам налил во второй тяжелый стакан виски, пододвинув его через стол. Жест равного — равному.

— Ну, рассказывай, стратег, — негромко, с легкой хрипотцой произнес Виктор, внимательно вглядываясь в лицо своего лучшего ученика. — С чего всё началось? Как так вышло, что наш закрытый объект превратился в тир, а в эпицентре оказалась дочка мэра?

Захар сел, положил планшет на край стола, но к стакану не прикоснулся. Он выдержал тяжелый взгляд Назарова, отвечая ему тем же спокойным, авторитетным давлением.

— Сбой начался до штурма, Виктор Леонидович, — ровно начал Захар. — По моему изначальному плану группа ждала курьера. Человек должен был доставить документы, под-

тверждающие факт крупной утечки информации внутри нашей структуры. Но ваши люди, — Захар выделил это интонацией, — без моего согласования перехватили Бессмертную на парковке. Как выяснилось, они получили ложные сведения, якобы искомые документы находятся у неё. Это была дезинформация.

Назаров нахмурился, его пальцы сильнее сжали хрустальный стакан.

— Дальше, — коротко бросил лидер.

— Дальше игра пошла по чужому сценарию, — Захар подался вперед, его голос звучал как сухой отчет военного трибунала. — Один из участников операции, пока девчонку везли на завод, успел передать её отцу требования о передаче портовых терминалов под контроль сторонних лиц. При этом исполнитель прикрывался моим именем. Нас нагло выставили организаторами.

Захар сделал короткую паузу, давая Назарову прочувствовать глубину подставы, и жестко резюмировал:

— И теперь я понимаю три вещи, Виктор Леонидович. Во-первых, кто-то цинично использовал мою оперативную схему в своих интересах. Во-вторых, Есению Бессмертную привезли на склад не только для допроса. И, в-третьих, старый завод изначально превратили в ловушку, где должны были погибнуть и она, и я. Нас вели на убой. И именно это связывает курьера, похищение дочери мэра и последующее нападение в одну четкую, причинную цепь. Нас сгнали, чтобы одним ударом обрушить и синдикат, и администрацию города.

Назаров тяжело опустил ладонь на дубовую столешницу.

— Зачем эта девчонка вообще понадобилась тебе, Захар? Почему ты сам не затормозил операцию, когда её имя всплыло в логах?

— Потому что до похищения мои аналитики раскопали кое-что важное, — Захар открыл на планшете зашифрованную финансовую ведомость и развернул экран к лидеру. — Они нашли скрытую цепочку платежей, которая заканчивалась на компаниях, напрямую связанных с двумя кофейнями Бессмертной Е.А. На бумаге эти транзакции выглядели как стандартная часть схемы по выводу денег синдиката. Но легальный, чистый бизнес девчонки подмешали в наши портовые расчеты умышленно. Я пока не понимаю, кто это сделал. Но в моей вотчине, на моей территории завелись крысы. Кто-то целенаправленно мутит воду, пакостит и пытается подставить меня под удар.

В глазах Захара на миг полыхнула ледяная, концентрированная ярость. Он привык управлять процессами, а не быть мишенью для чужих интриг. Наглая диверсия на его собственной земле взбесила его до предела. Он принял этот вызов, и теперь это было делом его личной чести.

— Девчонка нужна мне живой и лояльной, — жестко добавил Захар. — Через её кофейную сеть я найду того, кто влез в мои счета.

Назаров молча выслушал его. Мужчина подался вперед, его глаза опасно сузились, но в голосе прозвучало нечто большее, чем просто деловой интерес — в нем звенела собственническая, суровая гордость за своего преемника.

— Ну так и кто решил тягаться с моим мальчиком? — Виктор Леонидович в упор посмотрел на Захара. — Кто приехал на штурм, Захар? Чьи это были люди?

Захар не стал колебаться. У него не было никаких секретов от Назарова. Он пришел сюда, чтобы докопаться до сути, и сейчас рассуждал вслух — во многом для себя, но зная, что старый волк ловит каждое его слово.

— Официальных опознавательных знаков на нападавших не было, — ответил Захар, глядя в одну точку перед собой и собирая мозаику фактов. — Но обследование южной части завода, где нас зажали, три месяца назад официально оплатила юридическая компания, напрямую связанная с Глебом Чистяковым. Это не доказывает, что штурмовые группы принадлежат

лично ему, но Чистяков и его люди до метра знали планировку здания. Нас загоняли в тупик по карте.

Назаров помрачнел, шрамы на его руках побелели.

— И как же на твоей территории получился такой бардак, Захар? — негромко, но веско спросил он. — Твои люди контролируют каждый зазор в порту. Твоя аналитика безупречна. Как они прошли мимо твоих постов?

— Одной внешней утечкой информации это объяснить сложно, Виктор Леонидович, — Захар поднял взгляд, и его голос стал еще холоднее. — Маршрут встречи с курьером поменяли дважды в течение часа. Обновленные координаты знали единицы. Сам объект перед началом операции проверили люди Бориса, периметр был чист. Резервный канал связи должен был сработать в момент нападения и вывести нас через туннели, но кабель перерезали изнутри. Умышленно. Прямо в распределительном щитке завода, к которому был доступ только у наших.

Захар замолчал. В кабинете повисла тяжелая тишина. Ловушка была внутренней диверсией, спланированной с хирургической точностью. Назаров тяжело барабанил пальцами по столу, переваривая информацию.

— Ладно, с крысами мы разберемся, — Назаров откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на Захара. — А что девчонка? Расскажи мне про Бессмертную. Как она вела себя, пока вы были там? Перепугалась? Мне нужен ее отец, Захар, надо это решить.

Захар на секунду прикрыл глаза, снова рассуждая вслух и анализируя поведение Есени. В его голосе прозвучало искреннее, глубокое уважение к выдержке девушки:

— Она подозревала, что её предадут, Виктор Леонидович. Знала, что её похитят — либо точно предполагала это, либо видела скрытые предпосылки в действиях своего окружения. Самый естественный вариант, который я вижу по таймингу: ещё до перехвата на парковке Есени заметила три одинаково двигающиеся машины сопровождения. Со слов моих парней. Во время перевозки в фургоне без окон она не паниковала. Она вслепую считала повороты, фиксировала скорость и время движения. Она точно понимает, откуда нас атаковали и приблизительно куда подошли штурмовые группы. У неё феноменальная, пугающая наблюдательность.

Назаров оживился, в его глазах вспыхнул опасный, азартный блеск старого игрока.

— Вот оно что... Значит, девка — настоящий золотой самородок. Мэр безумно любит дочку, она его единственный ребёнок, свет в оконце. Анатолий ради неё на любые уступки пойдет. Захар, это же наш прямой выход на Бессмертного. Мы можем использовать её как идеальный рычаг. Надавим на неё, прижмем мэра к стене и заставим его подписать нужный нам договор по портовым терминалам. Раз и навсегда закроем этот вопрос.

Захар мгновенно подобрался. Его лицо превратилось в каменную маску, а в голосе зазвучал жесткий, бескомпромиссный отказ. Он открыто воспротивился предложению старшего лидера.

— Нет. Не нужно никакого насилия и давления, Виктор Леонидович. Забудьте про тяжелую артиллерию в отношении Бессмертной. Это стратегическая ошибка. Дочка не заставит Бессмертного подписать ваши бумаги. Не все так однозначно в их семье. Любая попытка надавить на неё грубой силой не сломает мэра, а даст ему идеальный, легальный повод объявить нас врагами города и бросить все силовые структуры на уничтожение синдиката. С ней нужно играть тоньше. Она — ключ к крысе внутри нашей структуры, и я разыграю эту карту сам.

Назаров внимательно выслушал эти аргументы. Он несколько секунд молча барабанил пальцами по столу, взвешивая каждое слово своего лучшего ученика, и в итоге медленно, согласно кивнул, принимая точку зрения Захара.

— Хорошо, — Назаров откинулся на спинку кресла. — Твои доводы логичны. Пока по Есени никаких жестких действий, никакой тяжелой артиллерии. Разворачивать полноценную охоту мы не станем. Но оставлять дочь мэра в слепой зоне после такого бардака — глупость.

Организуй за ней хотя бы пассивную слежку, аккуратно, без шума. Нам нужно понимать её маршруты, возможно крысы зашевелиятся....

Захар едва заметно повёл плечом. Скрывать от Назарова то, что уже было сделано, он не собирался.

— Всё уже под контролем, Виктор Леонидович. Борис установил в панель трекер. Так что её координаты и маршруты я вижу в реальном времени.

— Трекер — это хорошо. Но этого мало, Захар. Город гудит, Анатолий сейчас на взводе, и если он решит, что мы стоим за этим похищением, он начнет копать под порт. Это нужно урегулировать. Быстро и мягко. Нам нужно задобрить мэра, показать, что синдикат здесь ни при чем, а произошедшее — всего лишь досадное недоразумение.

Старик прищурился, глядя на Захара с хитрым прищуром крупного политика:

— Сегодня вечером Бессмертный устраивает ужин в своей резиденции. Собирает весь городской совет, элиту. Ты поедешь туда, Захар. Официально. Нам нужно принести ему наши глубочайшие извинения за то, что его дочь оказалась втянута в наши портовые разборки. И сделать это нужно не просто словами, а подарком.

Назаров открыл нижний ящик стола, достал оттуда тяжелую папку.

— Передашь это Анатолию лично. Там старинные документы, подписаны задним числом, на тот самый завод, который его администрация безуспешно пыталась выкупить у нас последние три года. Это наш подарок. Жест доброй воли. Скажешь, что Назаров глубоко сожалеет об этом недоразумении и в знак уважения передает эти площади городу для расширения муниципальной зоны. Это закроет ему рот, уберет любые обиды и развяжет тебе руки для работы с девчонкой прямо у него под носом. Сделай так, чтобы мы вышли из этой грязи в белых перчатках.

-Этот шум никому из нас не нужен, — Назаров со стуком поставил стакан на стол и подался вперед, опираясь крепкими предплечьями о дубовую столешницу. — Но знаешь, что я тебе скажу, Захар? Я всегда знал, что из любой грязи ты выйдешь в чистом костюме. И сейчас этот хаос — твой идеальный шанс. Тебя пытались помножить на ноль, но подставились сами. На твоей территории завелись крысы? Выжги их. Твой подход к девчонке рискованный, но ты прав — Анатолия в лоб не взять. Я даю тебе полный карт-бланш внутри твоего сектора. Замкни этот узел на себе. Урегулируй вопрос с мэром, перекрой кислород Чистякову и обставь всё так, чтобы мы остались непричастны. Состыкуй версии для совета — они слушают меня, но верят твоим цифрам. Сделай так, чтобы эта причинная цепь замкнулась на том, кто её создал. Эта девчонка должна работать на наши интересы, осознанно или втемную — это твоя область действия, я туда не лезу. Я знаю, что ты удержишь этот штурвал.

Захар медленно поднялся с кресла, застегивая пуговицу графитового пиджака. Между двумя мужчинами снова воцарилось то абсолютное, нерушимое понимание, на котором держалась стабильность всей организации.

— Всё будет сделано красиво, Виктор Леонидович. Контроль останется за мной, — спокойно ответил Захар.

Глава 3. Светский ад.

Выпотрошенный из приборной панели пластиковый блок трекера валялся на ковре гостонной, как раздавленный жук. Есения Бессмертная бросила его туда сразу, как вошла в дом, даже не заботясь о том, что устройство может найти горничная. Ей было всё равно. Адресалин после дневного побега от охраны и ярость от находки в машине постепенно остывали, оставляя после себя лишь звонкую, прозрачную тишину пустых комнат.

Она успела только переодеться в домашний шёлковый халат, когда внизу, на подъездной аллее, глухо хлопнули двери тяжёлых представительских седанов. Отец приехал раньше обычного.

Мужчина вошёл в гостиную, не снимая строгого тёмного пальто. По его лицу — осунувшемуся, со свежими, глубокими тенями возле глаз — Есения сразу поняла, каких сил ему стоили последние двое суток. На висках будто прибавилось седины. Многолетняя привычка публичного человека и чиновника высшего ранга намертво блокировала любые внешние проявления слабости перед подчинёнными, но здесь, в пустом доме, его выправка неуловимо сдала.

Отец остановился у панорамного окна, глядя на ухоженный сад, и только по тому, как тяжело и судорожно он опустил руки в карманы, Есения поняла, насколько его бьёт внутренний озноб.

— Я всё урегулировал, — глухо произнёс он, не оборачиваясь. Голос его, обычно громовой на заседаниях, сейчас звучал сипло. — Пресса молчит. Официальные ведомства закрыли проверку по факту возгорания кабельных линий. Твоего участия в этом кошмаре нет и никогда не будет.

Есения молча наблюдала за ним, подмечая, как мелко поддёргивается его правое плечо — верный признак крайнего напряжения.

— Спасибо, папа, — мягко сказала она, подступая ближе. Её природное обаяние и теплота всегда действовали на него успокаивающе. — Я знаю, чего тебе это стоило.

— Ты не знаешь, — Анатолий Викторович резко повернулся. В его взгляде на секунду вспыхнула дикая, чисто родительская паника. Он порывисто шагнул к ней, протянул руку, словно хотел прижать к себе, но в последний момент заставил свои пальцы лишь сурово и крепко сжать её плечи. Сила этого рукопожатия выдавала его с головой: он проверял, здесь ли она, цела ли. — Подобного больше не повторится. Никогда. Я пересмотрел всю систему твоей личной безопасности. С завтрашнего дня твоё штатное сопровождение увеличивается. Теперь у тебя личный водитель из моих бывших сотрудников и двое охранников в режиме двадцать четыре на семь. Любые твои перемещения по городу, включая поездки в кофейню, должны быть согласованы с начальником смены минимум за час. Маршруты прописывают они.

Есения нахмурилась, её брови сошлись у переносицы, а от былой мягкости не осталось и следа.

— Водитель и двое конвоиров? Папа, это не безопасность, это домашний арест. Я руковожу бизнесом, мне нужно перемещаться быстро, а не ждать, пока твои полковники одобряют поворот направо!

— Это не обсуждается, Есения! — в голосе отца взорвался металл, но он тут же осёкся, заметив, как она вздрогнула. Взгляд Анатолия Викторовича мгновенно метнулся к её лицу, выискивая следы испуга или новой травмы, а хватка на плечах стала мягче, бережнее, хотя пальцы всё ещё подрагивали. — Из того цеха вынесли коробки из-под патронов, Есения. Там стреляли. Ты чудом осталась жива. Я не собираюсь рисковать тобой ради твоих амбиций. Ты смиришься с этим. Ради своего же блага.

Есения стиснула зубы, чувствуя, как шёлковый халат внезапно стал тесным, напоминая пластиковый хомут на запястье. «Если мне нужна такая тотальная, удушающая броня... — мысль обожгла изнутри ледяной догадкой, заставив сердце пропустить удар. — Кто же тогда на самом деле на меня нападает? Насколько глубоко папа увяз в делах этого города, раз за мою безопасность нужно платить ценой моей свободы?» На секунду ей стало по-настоящему жутко от масштаба невидимой угрозы, но спорить дальше было бесполезно — мэр дышал тяжело, прерывисто, и на его лбу выступила тонкая испарина. Она сделала глубокий вдох, заставляя себя успокоиться, и едва заметно кивнула, принимая правила игры. Пока принимая.

Анатолий Викторович удовлетворённо выдохнул, бережно погладил её по плечу на прощание, а затем резко отстранился, снова превращаясь в главу городской администрации. Он снял пальто и бросил его на кресло

. Его тон сменился на более деловой, ровный — так он обычно говорил со своими ключевыми замами.

— Теперь об имидже в СМИ, — он прошёлся по комнате. — На меня сейчас оказывается колоссальное давление. Конкуренты, проверки, предвыборный год... Я на виду, Есения. Каждый мой шаг, каждая деталь моей жизни под микроскопом. Мои руки чисты перед законом, и именно поэтому я уязвим для тех, кто играет грязно. Нам нужен сильный союзник. Сам я это урегулировать не смогу — это вопрос не политики, а веса в силовых структурах.

Есения замерла, её феноменальная наблюдательность мгновенно подсказала, куда клонится этот разговор.

— Ты говоришь о Глебе Александровиче Чистякове? — тихо спросила она.

— Да. О Глебе и его сыне, — отец посмотрел на неё прямо. На дне его жестких глаз сейчас читалась фанатичная, твёрдая уверенность в том, что он делает единственно правильный выбор ради её спасения. Он выстраивал вокруг неё крепость из самых надёжных и влиятельных рук города. — Артур — парень серьёзный, подходящий. Из хорошей семьи. Глеб полностью контролирует прокуратуру, его слово весит больше, чем половина городского совета. Союз с Артуром — это твоя абсолютная неприкосновенность. Твоя броня.

— Папа, Артур Чистяков — избалованный мажор, который считает, что город принадлежит ему по праву рождения. У него на лбу написано, что он не умеет слышать слово «нет».

— Хватит, Есения. Без сцен и детских капризов, — Анатолий Викторович строго обрвал её, посмотрев на часы, но в его голосе проскользнула просящая, почти умоляющая нота, которую он тут же замаскировал сухим кашлем. — Тебе почти двадцать четыре года. Учёба в университете закончена, диплом на полке, кофейня работает. Пора взрослеть и думать о семье. Пора замуж. Сегодня в восемь вечера у нас званый ужин. Я пригласил верхушку городского совета — человек пятнадцать. Будут все свои. Хочу, чтобы ты выглядела безупречно и вела себя подобающе. Никаких колкостей, никакого твоего фирменного сарказма. Будь милой, располагай к себе. Это важно для твоего будущего. И для моего тоже. У тебя есть время на подготовку.

Отец развернулся и быстро вышел из гостиной, словно боялся, что её аргументы заставят его усомниться в собственной суровой стратегии.

Есения осталась стоять посреди комнаты. Вся её жизнь стремительно превращалась в золотую клетку. Сначала Захар со своей скрытой камерой, теперь отец с конвоем и подходящим женихом. Все вокруг так отчаянно пытались её защитить, что забыли спросить, хочет ли она стать чьей-то собственностью.

Она горько усмехнулась. Ладно. Отец просил её быть милой, очаровательной и располагающей к себе? О, она будет. Её харизма и ум сегодня вечером станут идеальным, смертоносным оружием. Они хотят видеть послушную куклу? Они её увидят. Но играть эта кукла будет по своим правилам.

Есения развернулась и быстрыми шагами направилась вверх по лестнице. Отойдя к гардеробной, она решительно проигнорировала нежные, пастельные оттенки. Никакой наивности. Она достала своё новое зелёное платье из тяжёлого изумрудного шёлка. Глубокий, хищный цвет идеально подчёркивал её тонкую талию, открывал ключицы и мягко струился до самого пола. На запястье, прямо поверх едва заметного багрового следа от пластикового хомута, она застегнула массивный браслет из белого золота. Металл холодил кожу, надёжно пряча её маленькую тайну от чужих глаз.

Поправив лёгкие локоны, Есения улыбнулась отражению. Из зеркала на неё смотрела невероятно милая, сияющая молодая девушка в платье цвета ядовитого плюща. Настоящее украшение светской хроники. Идеальная наживка.

Когда Есения начала спускаться по широкой мраморной лестнице, вечер в парадном холле резиденции уже набрал обороты. Она не сильно опоздала — ровно настолько, чтобы её появление не выглядело суетой, но заставило гостей поднять головы. Изумрудный шёлк платья мягко шуршал по ступеням, переливаясь под светом хрустальных люстр. Хозяйка дома вернулась.

Она спускалась легко, без тени чопорности, удерживая на губах тёплую, обезоруживающую улыбку. Происшествие двухдневной давности, штурм и найденный трекер словно испарились — перед гостями предстала обаятельная, уверенная в себе женщина, готовая уделить внимание каждому. Она коснулась перила левой рукой, плавно перехватила бокал шампанского у замершего у подножия лестницы официанта и тут же шагнула к первой группе гостей.

— Вероника Павловна, вы ослепительны, — Есения приветливо коснулась локтя супруги одного из ключевых застройщиков городского совета, мгновенно подмечая новую брошь на её лацкане. — Этот жемчуг просто создан для вашего сегодняшнего образа. Александр Дмитри-

евич, добрый вечер. Как продвигается проект нового логистического хаба на севере? Я видела предварительные чертежи, архитектурное решение с прозрачной кровлей — это уровень лучших европейских терминалов.

Мужчина, собиравшийся дежурно кивнуть дочке мэра, мгновенно оживился, польщённый её профессиональной осведомлённостью. За несколько минут Есения успела обойти половину зала. Её харизма работала безупречно: она участливо расспрашивала пожилого главу транспортного комитета о здоровье его супруги, легко поддерживала ироничные шутки молодых представителей престижных фамилий и тут же демонстрировала глубокий ум, лаконично обсуждая с экономическим советником новые налоговые ставки для коммерческой недвижимости.

Она весело смеялась, очаровывая элиту города, но Она улыбалась гостям, но успевала замечать, кто перестал смеяться, кто следит за дверью и кто слишком часто смотрит на её отца. Есения видела, как Артур Чистяков, стоявший у фуршетной стойки рядом с отцом-прокурором, жадно провожает её взглядом, лениво прокручивая в пальцах бокал. Пару раз его хищные глаза пересекались с её взором, но он не подходил близко. Никаких разговоров между ними не было. Пока не было.

Есения фиксировала, кто из членов городского совета держится обособленно, а кто ищет одобрения в глазах её отца. Каждое слово, каждый жест ложились в её личную картотеку. Она точно знала, как подать себя каждому в этой комнате.

В разгар очередного светского анекдота Есения уловила движение у боковой двери. К Анатолию Викторовичу быстрым, рваным шагом подошёл начальник его личной безопасности Олег. Мужчина склонился и что-то быстро, тихо заговорил мэру прямо на ухо.

Есения не переставала мило улыбаться собеседнику, но её взгляд намертво пригвоздил отца. Она увидела, как маска абсолютного контроля на лице Анатолия Викторовича дала глубокую трещину. Мэр на миг замер, в его глазах отразилось глухое недоумение, быстро сменившееся явным, раздражением и возмущением. К ним тут же сделал шаг Глеб Чистяков. Он нахмурился, заметив перемену в лице хозяина дома. Мужчины сгрудились у камина, о чём-то глухо и напряжённо переговариваясь. Отец бросил быстрый, растерянный взгляд в сторону Есенин, словно пытался сопоставить её присутствие в зале с той новостью, которую ему принесли.

Спустя полминуты Анатолий Викторович коротко извинился перед Чистяковым-старшим и поспешно отлучился из столовой, направившись в сторону парадного входа.

Есения плавно повернулась к своим собеседникам, ни на долю секунды не выдав своего триумфа или беспокойства. Её голос остался таким же лёгким и звучным.

— Так вот, насчёт этой выставки, — весело подхватила она прерванный разговор, заглядывая в глаза жене застройщика и продолжая удерживать внимание гостей. — Галерея открывается в следующую пятницу, и я думаю, нам обязательно стоит пойти вместе. Костя, как вы считаете, нео-модерн ещё способен нас удивить?

Она продолжала говорить, смеяться и кивать, но внутри неё всё натянулось, как высоковольтный провод. Минуты тянулись невыносимо медленно. Отец отсутствовал слишком долго

для обычного телефонного звонка или срочного документа. Напряжение внутри Есении росло с каждым новым глотком шампанского. Куда делся папа? Что могло заставить его бросить пятнадцать человек городской элиты прямо посреди раута? Под весёлым, искрящимся фасадом её харизмы уже вовсю работал аналитический мозг, лихорадочно просчитывая варианты.

И тут тяжелые дубовые двери столовой снова распахнулись.

В зал размашистым шагом вошёл Анатолий Викторович Бессмертный. Смущение на его лице сменилось натянутой, парадной маской радушного хозяина, но плечи были неестественно приподняты. А прямо за ним, на полшага позади, шёл Захар Лазарев.

Есения на миг забыла, как дышать. Стакан в её руке едва заметно дрогнул.

Захар двигался с безупречной, леденящей грацией хищника, который зашёл в курятник, полный сытых, домашних птиц. На нём был идеальный тёмно-графитовый костюм, подчёркивавший его высокую, собранную фигуру. Никаких следов недавнего штурма, никакой пыли или копоти. Он выглядел сногшибательно красиво, сдержанно и настолько аристократично, что моментально растворился в этой светской тусовке, став её естественным центром. Это не был растерянный мальчишка из приюта, пробивающий себе дорогу локтями. Перед элитой стоял безупречный, сильный игрок высшей лиги, знающий правила этой ярмарки тщеславия наизусть. В руке он больше не держал папку — подарок Назарова уже остался в кабинете мэра, сделав своё политическое дело.

Анатолий Викторович громко кашлянул, привлекая к себе внимание затихшего зала.

— Уважаемые коллеги, дорогие друзья! — голос мэра снова обрёл привычную чиновничью плотность, хотя Есения видела, как плотно сжаты его пальцы. — Позвольте представить вам нашего сегодняшнего гостя. Захар Викторович Лазарев. Парень руководит крупным инвестиционным сектором, у него бизнес в сфере логистики и развития инфраструктуры. Я посчитал, что его присутствие сегодня будет крайне полезным для всех нас. Нам давно пора обсудить новые крупные сделки и дела в порту, скоординировать наши планы по расширению муниципальных зон.

По залу пронёсся вежливый, одобрительный гул. Члены городского совета и застройщики согласно кивали. Влиятельный инвестор с портовыми активами, одобренный самим мэром, — это был язык, который местная элита понимала без переводчиков.

— Ну что ж, — Анатолий Викторович обвёл взглядом присутствующих и радушно указал рукой на длинный, сервированный стол. — Прошу всех садиться. Давайте отбросим лишние формальности, хорошо отобедаем и продолжим наш разговор в более уютной обстановке. Тем более что сегодняшний вечер для нашей семьи особенный. Многие из вас знают, как тесно связаны наши интересы с глубоко уважаемым Глебом Александровичем, но сегодня мы рады объявить о скором союзе нового поколения. Наши дети, Есения и Артур приняли решение связать свои судьбы, и эта свадьба, я уверен, станет началом новой прекрасной главы для всего города.

Гости потянулись к своим местам. Звон тонкого хрусталя и глухой стук серебряных приборов о фарфор заполнили столовую. Рассадка гостей строго соответствовала негласной табели

о рангах: Анатолий Викторович занял место во главе стола, по правую руку от него расположилась дочка, по левую — один из старейших членов городского совета. Захара Лазарева мэр предусмотрительно усадил ближе к экономическому блоку и крупным застройщикам. Есения оказалась почти напротив Артура Чистякова, и это соседство требовало от неё максимальной концентрации.

Атмосфера за столом быстро стала расслабленной и по-хорошему светской. Подавали изысканные блюда: запечённую утку под брусничным соусом, тартар из тунца и редкие вина. Верхушка города отдыхала. Звучали специфические, понятные только этому кругу шутки о бюджетных комитетах, ленивых подрядчиках и прогнозах на грядущие выборы.

— Если дорожный департамент снова затянет тендер по северному направлению, нам придётся перекладывать асфальт прямо под ноябрьский снег, — добродушно рассмеялся Александр Дмитриевич, застройщик, отправляя в рот кусочек утки. — Анатолий Викторович, у тебя в канцелярии точно нет лишней пары "наручников" для их начальника?

— Для него у меня есть кое-что похуже — внеплановая проверка КРУ, — в тон ему ответил мэр, и стол взорвался согласным смехом.

Есения легко поддерживала этот ритм. Она мило улыбнулась, вовремя вставляла короткие, удивительно точные реплики о логистике торговых центров и выглядела образцовой хозяйкой вечера. Её обаяние обволакивало гостей, но изнутри она оставалась ледяным аналитическим центром. Её взгляд непрерывно фиксировал изменения в поведении мужчин. Захар вёл себя безупречно: он не лез на передний план, но когда к нему обращались по поводу портовых терминалов, отвечал настолько сдержанно, ёмко и со знанием цифр, что экономический советник мэра лишь уважительно кивал. Лазарев просчитывал каждый вдох этой комнаты.

Чего нельзя было сказать о Чистяковых.

Глеб Чистяков, налегая на тяжёлое красное вино заметно активнее остальных. С каждым новым бокалом в его манерах проступала сытая, вальяжная наглость человека, который привык, что закон — это то, что он пишет сам. Он начал слегка дерзить хозяину дома, прощупывая границы допустимого.

— Ты, Анатолий, слишком мягко стелешь перед городским советом, — Глеб шумно опустил бокал на скатерть, чуть расплескав вино. — Зачем эти реверансы с голосованием по портовым зонам? Силовое прикрытие должно быть железобетонным. Один звонок куда надо — и все эти инвесторы сами принесут бумаги на подпись. Вот как дела делаются. Правда, Захар? Вы ведь в порту тонкостями не страдаете?

Анатолий Викторович едва заметно нахмурился, его пальцы натянулись на ножке фужера, но он промолчал, сглаживая выпад старого товарища натянутой улыбкой.

Эта вседозволенность моментально передалась Артуру. Чистяков-младший, чувствуя за спиной пьяную, но абсолютную власть отца, окончательно потерял берега. Он откинулся на спинку стула, лениво прокручивая в пальцах вилку, и его взгляд намертво прирос к Есении. Артур больше не скрывал своего торжества. Он смотрел на роскошную столовую, на массивные дубовые панели, на изумрудный шёлк её платья так, словно уже примерил этот особняк на себя. Словно эта харизматичная, умная девушка уже была его законной, подчинённой собственностью, которую отец-мэр отдаёт в качестве приданого за поддержку.

— Знаешь, Есения, — Артур подался вперёд и громко, через весь стол прерывая её беседу с Вероникой Павловной, — я тут подумал... Твоя кофейня «Ориджин» в торговом центре — это, конечно, милая игрушка. Но серьёзный бизнес требует мужской руки. Женщины слишком эмоциональны для больших цифр. Тебе не кажется, что после свадьбы лучше передать управление кому-то более... стрессоустойчивому? Например, мне. А ты могла бы заняться дизайном нашего будущего дома.

В столовой мгновенно повисла тяжёлая, звенящая тишина. Смех застройщиков оборвался. Александр Дмитриевич устался в свою тарелку.

Есения не отвела взгляда. Её изумрудное платье словно стало ярче. Она мягко, с безупречным изяществом положила салфетку рядом с тарелкой и улыбнулась Артуру — так сладко и лучезарно, что у Чистякова-младшего на секунду перехватило дыхание.

— Какая трогательная забота о моих нервных клетках, Артур Глебович, — её голос прозвучал удивительно мелодично, но за этой мягкостью ощущалось что-то опасное. — Вынуждена вас разочаровать. Финансовый отчёт «Ориджин» за прошлый квартал показывает такую рентабельность, какую ваши клубы не увидят даже после полной налоговой амнистии. Мой бизнес держится на математике, а не на эмоциях. И мужская рука ему точно не нужна — особенно та, которая привыкла только держать бокал с виски на папиных приёмах.

Артур от неожиданности пошёл красными пятнами, его челюсть упрямо выдвинулась вперёд. Захар Лазарев напротив него даже не отвёл взгляда от своего прибора, но уголок его губ едва заметно дрогнул.

Анатолий Викторович посмотрел на дочь с тяжёлым, глубоким неодобрением. В его взгляде читалось чёткое напоминание: «Я просил — без сцен. Без твоего фирменного сарказма». Мэр кашлянул, пытаясь перевести тему, но Есения уже приняла решение. Атмосфера в зале стала удушающей, запах чужого алкоголя и липкой вседозволенности Чистяковых давил на подсознание, напоминая о багровых следах на запястье.

— Отец, прошу прощения, — Есения плавно поднялась со своего места, шёлк платья скользнул по ногам. Она виновато и мило улыбнулась гостям. — Мне нужно ненадолго отлучиться. Вероника Павловна, Александр Дмитриевич — прошу, продолжайте, я скоро вернусь.

Она развернулась и ровной, царственной походкой вышла из столовой, плотно прикрыв за собой тяжелые двери.

В просторном, полутёмном коридоре резиденции было прохладно. Есения сделала глубокий, судорожный вдох, пытаясь унять колотящееся в рёбра сердце, и прислонилась спиной к прохладной стене, обитой гобеленом. Маска весёлого очарования на мгновение сползла с её лица, уступая место смертельной усталости.

Она не успела досчитать до десяти.

Дверь столовой тихо скрипнула, и в коридор скользнула высокая, вальяжная фигура. Артур Чистяков двигался быстро, несмотря на выпитое вино. Его лицо всё ещё горело от публичного унижения за столом, а в глазах плескалась опасная, мстительная злость мажора, которому впервые в жизни ответили отказом.

— Считаешь себя самой умной, Бессмертная? — Артур вырос перед ней мгновенно, с маху наваливаясь всем телом и грубо впечатывая ладони в стену по обе стороны от её головы. Он полностью нарушил её личное пространство, зажимая в ловушку. От него тяжело пахло дорогим табаком и алкоголем.

Есения упрямо вскинула подбородок, её пальцы судорожно сжались на массивном золотом браслете, прячущем шрам.

— Артур, отойди, — её голос прозвучал тихо, но твёрдо. — Ты пьян. Вернись к отцу.

— Не указывай мне, что делать! — Чистяков подался ещё ближе, его лицо оказалось в паре сантиметров от её уха, и он зло, хрипло зашептал, обжигая кожу дыханием. — Ты думаешь, твои кофейни и твоя гордость чего-то стоят? Твой папаша по уши в дерьме после того, что случилось на заводе. Он умоляет моего отца о прикрытии. Ты — разменная монета в этой игре, Есения. Ты пойдёшь под меня со всеми своими потрохами, шёлком и кофейнями, поняла это? И на коленях будешь умолять, чтобы я на тебе женился. Вы без нас — никто. Ноль. Так что давай, улыбнись мне так же мило, как ты улыбалась застройщикам...

Артур нагло потянул руку вперёд, его липкие, влажные пальцы бесцеремонно впились в её открытую ключицу, пытаясь скользнуть ниже, к вырезу изумрудного платья. Внутри Есенин всё заледенело от ярости. Она уже замахнулась, готовая ударить его наотмашь, плевать на последствия и папины выборы, как вдруг...

Чужая, огромная тень бесшумно перекрыла тусклый свет коридорного бра.

Стальные, хирургически точные пальцы перехватили запястье Артура Чистякова в миллиметре от кожи Есенин. Хватка была такой силы, что кости мажора хрустнули под дорогой тканью пиджака. Артур испустил короткий, задушенный писк и мгновенно протрезвел, попытавшись вырваться, но Лазарев держал его мёртвой, титановой хваткой стилета, вошедшего в кость.

Захар Лазарев стоял в полумраке коридора — холодный, собранный, пугающе спокойный. На его лице не дрогнул ни один мускул, но в тёмных глазах горела та самая леденящая, концентрированная ярость, которую Есения видела на заброшенном заводе за секунду до штурма. Он не повысил голоса. Он произнёс всего одно слово, но от его тона у Артура Чистякова подогнулись колени:

— Свободен.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.